

Написано: «Я обновляю вещи все!»
Но на аккордах словно сушится печаль,
Порывы, острые как нож, ломают веру
Мечтавшего сбежать от ярости начала.
Лед ливня месит цвет в стекло и кашу,
В неистовстве бродячий пес отряхивает шкуру.

*Из собрания стихотворений
Яна Волкера (2008)*

1

Мне было десять лет, и я больше не снимала пальто. Тем утром мать намазала всех нас по очереди мазью для вымени «Бохена» из желтой баночки, которую обычно использовали от трещин, мозолей и похожих на цветную капусту наростов на сосках молочных коров. Крышка у баночки была такая жирная, что ее удавалось открутить, только обхватив кухонным полотенцем; мазь пахла как посыпанные солью и перцем толстые куски вымени, что тушились в бульоне на сковороде на плите и вызывали у меня отвращение, как и эта вонючая мазь на коже. Но мать продолжала тыкать жирными пальцами в наши лица, словно они были сыром, который она ощупывала и охлопывала, проверяя, как созревает корочка. Наши бледные щеки блестели в свете кухонной лампочки, засиженной мухами. Этой лампочке годами собирались купить красивый абжур в цветах, но, когда мы натыкались на такой абжур в деревне, мать хотела поискать какой-нибудь еще. Искала она уже три года.

Тем утром, за два дня до Рождества, я ощущала ее жирные большие пальцы на глазных яблоках и чуточку боялась, что она надавит слишком сильно и мои глаза выпрыгнут наружу, как стеклянные шарики. И что тогда она скажет: «Вот что происходит, когда вечно вертись и ни на чем не задерживаешь взгляд, как пристало хорошей набожной девочке, которая смотрит снизу вверх на Господа, словно небеса в любой момент могут разверзнуться». Но небеса здесь разверзались только пургой, на которую незачем было пялиться.

Посреди стола для завтраков стояла сплетенная из тростника хлебная корзинка, накрытая салфеткой с рождественскими ангелочками. Они держали трубы или омелы, прикрывая свои маленькие члены; даже когда я держала салфетку против света, мне было не видно, как они выглядят, — я предполагала, что они похожи на свернутый ломтик болонской колбасы. На бумажных салфетках мать бережно разложила хлеб: белый, цельнозерновой с маком и рождественский кекс с изюмом. Хрустящую корочку кекса она аккуратно посыпала через сито сахарной пудрой, словно первым легким снежком, что утром лег на спины голландских коров на лугу, прежде чем мы загнали их под крышу. Клипса с пакета для хлеба всегда лежала на коробке для сухарей, иначе мы бы ее потеряли, а мать считала, что пакет, завязанный узлом, — это некрасиво.

— Сперва соленое, только потом сладкое, — привычно сказала она. Это правило, тогда мы вырастем большими и сильными: большими, как великан Голиаф, и сильными, как Самсон из Библии. Кроме того, мы обязательно должны были выпивать большой стакан парного молока, которое обычно наливали из бочки за пару часов до завтрака, поэтому оно было немного теплым, и на нем иногда плавал желтоватый слой сливок, который прилипал к нёбу, если пить слишком медленно. Лучше всего было проглатывать молоко с закрытыми глазами, но мать называла это «непочтительностью», хотя в Библии ничего не написано о том, как следует пить молоко: быстро или медленно, ощущая вкус коровы или нет. Я вытянула белый хлеб из корзинки и положила к себе в тарелку, перевернув его так, чтобы он выглядел как бледная попка младенца. Особенно похоже выходило, если каждую половинку намазать шоколадной пастой: нам с братьями это всегда казалось смешным, и они говорили: «Ну что, вкусно тебе опять вылизывать задницу в какашках». Но чтобы взять шоколадную пасту, сперва мне нужно было съесть что-нибудь соленое.

— Если продержат золотых рыбок в темной комнате слишком долго, они станут белыми, — прошептала я Маттису и уложила на хлеб шесть ломтиков колбасы: так, чтобы они поместились ровно, не выходя за пределы куска. *У тебя было шесть коров, двух съели.*

Сколько у тебя осталось коров? Я слышала голос учителя в голове вместе со всем, что ела. Почему все эти дурацкие расчеты вечно связаны с едой — яблоками, пирожными, кусочками пиццы и печеньями, — я не знала, но в любом случае учитель уже оставил надежду, что я когда-нибудь научусь считать, а моя тетрадь станет образцово чистой, без красных росчерков. Мне потребовался год, чтобы научиться узнавать время по стрелкам часов — отец подолгу сидел со мной за кухонным столом с тренировочными часами из школы, которые он иногда в отчаянии швырял на пол, отчего из часов вываливались какие-то запчасти, и гадкая штука начинала трезвонить. Но стрелки до сих пор иногда превращались в дождевых червяков, которых мы вилами выкапывали за коровником, чтобы пойти порыбачить. Те тоже вечно извивались во все стороны, зажатые между большим и указательным пальцами, и ненадолго успокаивались, только если по ним несколько раз щелкнуть: ложились на ладонь и были похожи на красные клубничные сладости из магазина конфет «Фан Лёйк».

— Больше двух — говори вслух, — сказала наша сестричка Ханна, которая сидела за столом напротив меня, рядом с Оббе. Если ей что-то не нравилось, она шевелила губами слева направо.

— Некоторые слова пока слишком большие для твоих маленьких ушек и не пролезают, —

сказала я с набитым ртом. Оббе от скуки поболтал пальцем в своем молоке, вытащил из него пенку и быстро вытер ее о скатерть. Она приклеилась к ткани, как белесая сопля. Это было отвратительное зрелище, и я знала, что завтра эта сторона скатерти с высохшей пенкой от молока, возможно, окажется повернута ко мне. Тогда я откажусь ставить тарелку на стол. Мы все знали, что салфетки на нем лежат для красоты: после завтрака мать уберет их обратно в буфет нетронутыми, потому что они не предназначены для грязных пальцев и ртов. Мне и самой было как-то жаль сминать ангелочков в кулаке, словно комара, и ломать им крылышки или пачкать их светлые ангельские волосы клубничным вареньем.

— Я такой бледный на вид, что мне придется выйти на улицу, — прошептал Маттис. Он засмеялся и крайне сосредоточенно погрузил нож в белую часть шоколадной пасты «Дуо Пенотти», чтобы ни в коем случае не задеть коричневую. Мы ели «Дуо Пенотти» только на каникулах. Мы ждали ее так долго, что теперь, когда пришли рождественские каникулы и час наконец пробил, наступал самый лучший момент: мать отрывала бумажную защитную пленку с банки, счищала остатки клея с краев и показывала нам коричневые и белые пятна, похожие на уникальный узор на шкуре новорожденного теленка. Тот, у кого на прошлой неделе были лучшие оценки, допускался к банке первым —